Вопрос о низложении наследного принца император больше не поднимал.

Все вздохнули с облегчением. За исключением некоторых спекулянтов, желающих нажиться на чужом горе, разумеется.

Наследный принц был хозяином Восточного дворца с пятилетнего возраста. С тех пор минуло уже больше десяти лет. Он получил должное наследному принцу образование, знал, что наследному принцу делать подобает, а что нет, был скромным и вежливым, никогда не злоупотреблял властью, уважал своих учителей и был великодушен к подданным. В глазах многих он был идеальным будущим монархом.

Возможно, он был не столь великим мудрецом и стратегом, как император-основатель, и амбиций по расширению территорий не питал, но то была не беда: на данном этапе развития империи система управления, начиная от Кабинета Министров и заканчивая провинциальными чиновниками, сложилась давно отточенная и проверенная. Говорить так было бы невежливо, но Великая Мин могла прекрасно существовать и без приказов императора, а значит, лучшее, что мог сделать император – это ничего не делать.

Как говорится, “Драгоценный Сын Неба должен править, не прикладывая усилий”, – поистине мудрые слова.

Прежде, когда император настаивал на свержении наследного принца, все, хоть и молчали, но желания его не одобряли: принца Сина не воспитывали, как наследника престола, и образование он получил отличное от того, что подобает получить будущему монарху. Да и мать его, приспешницу благородной наложницы Вань, все недолюбливали. Однако император был полон решимости сделать по-своему, заручившись поддержкой небесных знамений, так что возражать ему было бесполезно.

Теперь все наладилось: Небеса оказались недовольны метаниями императора, послав в качестве предупреждения землетрясение на горе Тайшань. Император не мог их игнорировать. Ситуация резко изменилась, заставив всех задуматься: неужели наследный принц действительно любимец Небес? Даже после стольких невзгод его положение оказалось непоколебимо.

Борьба за низложение наследного принца улеглась – Лю Цзянь с Тан Фанем и остальными неравнодушными искренне надеялись, что на этом дело и кончится. Если бы могли, в нетерпении бросились бы к императору со словами: “Ваше Величество, Вы только и делаете, что создаете проблемы на пустом месте. Можно хотя бы пару дней отдохнуть?”

Но нынешний Сын Неба не был бы нынешним Сыном Неба, если бы прекратил вечно усложнять всем жизнь.

Несколько дней спустя он затянул старую песню про то, что должен покинуть дворец и помолиться о ниспослании благословения во Дворце Почитаемой Истины и Долголетия, как только тот будет достроен.

Стоило ему об этом заикнуться, как придворные тотчас выступили против.

Во-первых, они считали поездку императора пустой тратой средств и сил, а, во-вторых,

император был болен и слаб. Если по пути что-то случится, быть беде, а потому, дабы избавить себя от лишних хлопот, все отчаянно сопротивлялись этой идее.

На этот раз император не стал настаивать на своем, пойдя на уступки и заявив: “Если не хотите, чтобы мы покидали дворец, то позвольте хотя бы наследному принцу сделать это и помолиться за нас. Пролетело множество комет, а затем еще и на горе Тайшань землетрясение случилось – раз Небеса избрали наследного принца, то он должен выйти из своего Восточного дворца и вознести молитвы за своего отца, и тогда, возможно, Небеса услышат его и излечат нас”.

Тан Фань с товарищами сочли эти аргументы абсурдными, но теперь, когда император уже дважды отступил, все забеспокоились, что если надавить слишком сильно, император может взбунтоваться и вытворить что-то совсем уж из ряда вон, так что возражать не стали.

Второго января двадцать третьего года правления императора Чэнхуа наследный принц отправился во Дворец Почитаемой Истины и Долголетия помолиться.

Он покидал дворец впервые в жизни. Все чиновники Двора, начиная от Кабинета Министров и заканчивая Шестью Министерствами стояли на ушах. Особенно корпело Министерство Обрядов: им приходилось беспокоиться о предотвращении любых самых незначительных инцидентов, способных произойти во время путешествия. Покидавшая дворец процессия была внушительной. Особенно карета, специально предназначенная для дальних путешествий. Она была большой и просторной, в ней можно было не то что сидеть, но и лежать свободно, перекатываясь с боку на бок.

Дорога до Дворца Почитаемой Истины и Долголетия верхом занимала около двух часов. В карете вышло дольше, поскольку за ней двигалась огромная свита, в том числе и почетный караул. Целью процессии была молитва, а не бегство от бедствия, так что двигалась она степенно и чинно, ловя на протяжении всего пути взгляды простого люда, восхищенного ее Небесным величием.

Именно поэтому карета должна была быть максимально просторной и удобной, чтобы наследный принц не утомился после почти восьмичасовой поездки туда и обратно.

Тан Фаню с остальными приходилось переживать о куда большем.

Молчание, которым фракция Ваней отреагировала на известие о поездке наследного принца для молитвы, заставляло задуматься, не воспользуются ли они, загнанные в угол, этой возможностью, чтобы попытаться убить принца.

На самом деле, провернуть подобное было невозможно, поскольку с того самого момента, как наследный принц выйдет из кареты, он будет окружен императорской гвардией, готовой отдать за него свои жизни. Суй Чжоу с Ван Чжи были лучшими мастерами боевых искусств в мире, но даже они не смогли бы выполнить такую сложную задачу, как устранение наследного принца. Прежде чем их оружие хоть на волосок к нему бы приблизилось, императорские гвардейцы один за другим вымотали бы их до смерти.

Со времен основания династии Мин ни один император или наследник не погибли в результате покушения именно потому, что попытаться убить их было слишком сложно. И, без сомнения,

очень глупо.

Однако то, что покушение было невозможно осуществить по дороге, не означало, что других вариантов не оставалось. Строительство Дворца Почитаемой Истины и Долголетия от начала и до конца выполнялось под надзором фракции Ваней, а потому Тан Фань с остальными опасались, что те могут предпринять что-то после того, как наследный принц войдет в храм. Чрезвычайно встревоженный, Ван Чжи даже предложил лично сопровождать наследного принца внутри дворца, на что император согласился.

Под защитой Ван Чжи принцу ничего не угрожало.

Но было одно но.

Согласно установленным правилам, наследный принц должен был оставаться один в келье, молясь о здоровье императора и мире в Поднебесной, на протяжении практически двух часов без вмешательства посторонних. Даже Ван Чжи с высокопоставленными чиновниками должны были ждать снаружи.

О том, что происходило в той келье в течение этих двух часов, никто не узнает.

Лю Цзянь с Тан Фанем пытались исключить этот ритуал из церемонии, попросив, чтобы наследный принц отдал дань уважения и возжег благовония у всех на виду, а затем возвратился во дворец.

Но император посчитал, что и так уже уступил им во многом, так что решительно отказался сокращать церемонию.

Как его сын, наследный принц возражать не смел и направил ко двору послание, в котором заявил, что будет только рад помолиться за своего отца.

Вопрос этот после долгих споров удалось отрегулировать, и каждая сторона пошла на уступки. Два часа сократили до одной палочки благовоний. Наследному принцу предстояло пробыть в келье лишь полчаса, а прежде, чем он вошел бы в храм, Императорская Стража должна была обыскать Дворец Почитаемой Истины сверху донизу, чтобы убедиться, что внутри нет никого подозрительного.

Все приготовления к такому важному событию удалось завершить ко второму января.

Поскольку наследный принц отправился помолиться и принести жертвы за своего отца, сопровождали его все столичные чиновники третьего ранга и выше, в числе которых был и Тан Фань.

Однако чиновников отделяла от кареты принца огромная череда дворцовых служащих, и они не могли с ним встретиться до тех пор, пока не добрались до храма и не начали церемонию.

Слыша о том, что едет сам наследный принц, простой люд выходил на улицы поглазеть и почтительно поклониться.

Императорская гвардия служила живой стеной, вытесняющей их прочь с дороги, позволяя наблюдать лишь издалека, но народ все равно испытывал благоговейный трепет перед столь почетной процессией. Тут и там раздавались крики: “Да здравствует император!” и “Да здравствует наследный принц!”. От волнения на глазах горожан выступали слезы, а контролировать себя становилось все тяжелее и тяжелее – на улицах царило оживление.

Подобное не могло не обрадовать любого монарха. Человеку по природе свойственно стремление к власти, всеобщему почитанию и поклонению, потому за трон Дракона из века в век и велась борьба. Жаль, что император Чэнхуа не смог уломать чиновников и отправиться в храм сам: став свидетелем подобной сцены, он бы каждый месяц из дворца выбираться начал.

На протяжении всего путешествия наследный принц вел себя весьма удовлетворительно. Будь он простым подростком, высунул бы голову из кареты, чтобы посмотреть на собравшуюся толпу. Однако наследный принц не был обычным молодым человеком. Обремененный ответственностью за будущее всей страны и переживший столь трудное детство, он вырос чрезвычайно спокойным, с блестящими манерами и неторопливой культурной речью – в отличие от нынешнего Сына Неба дарил людям надежду на великое будущее страны.

Чиновники, что редко общались с наследным принцем, были приятно удивлены, а вот Лю Цзянь с Тан Фанем на протяжении всего путешествия сохраняли бдительность, опасаясь непредвиденных инцидентов.

Однако, ко всеобщему удивлению, церемония поклонения прошла гладко, без досадных эксцессов. Единственная напасть заключалась в том, что, когда наследный принц покидал дворец, пошел небольшой дождь, и одежды у всех промокли. Погода стояла холодная, так что ощущения были не из приятных. По возвращении многие чиновники простыли, и Тан Фань не стал исключением.

Из-за этого ему пришлось взять отпуск, чтобы отлежаться дома, где Суй Чжоу каждый день заставлял его пить лекарства – страдания его были неописуемыми, однако знать о них посторонним не полагалось.

— Мне действительно лучше, больше не нужно принимать лекарства. Посмотри на меня – цвет лица уже не такой, как в последние дни, разве нет? – с горечью в голосе попросил Тан Фань, закутанный в толстую шубу, которую заставил его надеть Суй Чжоу.

Немногие люди были способны придать лицу выражения растерянности, боли, скорби, мольбы и невинности одновременно, но Тан Фаню это удалось.

К сожалению, его собеседник оставался равнодушен:

— Я могу тебя покормить.

Как покормить?

Разумеется, не ложкой.

Лицо господина Тана покраснело.

Подобные сцены разыгрывались бесчисленное число раз каждый день, но каждая заканчивалась поражением Тан Фаня.

И винить его в этом было нельзя: лекарство действительно было очень горькое. Если бы Суй Чжоу пришлось его выпить, он бы не позволил напоить им себя во второй раз. Но здоровье у него было крепкое, и он не заболел, хоть и тоже промок в тот день.

А вот гражданские чиновники пострадали знатно, особенно члены Кабинета Министров. Им всем, за исключением Тан Фаня, было за сорок, и всех, кроме второго министра Лю Цзи с Сюй Пу, которые продолжали выполнять свои обязанности в Кабинете, дождь знатно подкосил. Даже первый министр Вань Ань не избежал сей участи. Говорили, что он слег и был не в силах подняться с постели.

Тан Фань чувствовал себя значительно лучше. Он взял лишь один выходной и должен был завтра вернуться на работу.

Иначе Лю Цзи с Сюй Пу в одиночку не продержались бы, поскольку дела, за которые должны были отвечать семеро, оказались свалены на плечи их двоих. Лю Цзи даже прислал в полдень спросить, не сможет ли Тан Фань прийти в Кабинет Министров во второй половине дня и помочь им.

Если бы Тан Фаню удалось вернуться в Кабинет и больше не принимать лекарства, он был бы безмерно счастлив, но в таком случае ночью его ждало бы наказание*.

Залпом осушив чашку с лекарством, Тан Фань ощутил сильную горечь во рту и поморщился – лицо его сделалось, как старая хризантема.

— А есть какая-нибудь конфета? – спросил он Суй Чжоу.

— А какую ты хочешь?

— … Да без разницы. Османтусовая, лакричная – не важно.

Вместо ответа Суй Чжоу заткнул ему рот глубоким поцелуем, крепко приобняв за талию, чтобы не вырвался, и только когда Тан Фань чуть не задохнулся, отпустил его со словами:

— Я только что съел лакричную конфету. Пойдет?

— …

Стоило ему произнести это, как Тан Фань ощутил во рту слабый привкус лакрицы.

Но способ…

Тан Фань залился краской.

Суй Чжоу с интересом наблюдал за его реакцией.

Белое лицо Тан Фаня раскраснелось, а глаза затуманились от нехватки воздуха, словно он был

унижен и разгневан, но был не в силах сопротивляться.

Сколько бы раз Суй Чжоу ни становился свидетелем подобной картины, ему никогда не надоедало.

— Видел твой последний эротический роман. Описания в нем вроде бы довольно откровенные? Тогда почему сам вечно такой застенчивый, а?

Он ухватил господина Тана за подбородок и наклонился, шепча в самый уголок его губ.

На террасе витал слабый аромат цветущей сливы. Они находились очень близко друг к другу: Суй Чжоу просто перетащил Тан Фаня целиком на себя, и теперь тот сидел на нем лицом к лицу, раздвинув ноги.

Средь бела дня на виду у всего двора сидеть так…

Достаточно, чтобы дать повод защитникам нравов раскритиковать его в пух и прах!

Господин Тан попытался сопротивляться, но мало того, что он был болен, – он и в обычном состоянии был не в силах вырваться из железной хватки графа Суя.

— Так теплее, я защищаю тебя от ветра, – как ни в чем не бывало пояснил граф Суй.

— …

Тан Фань был больше не в силах это выносить:

— Я-то взял отгул, а вот ты чего обленился?

— Я тоже взял отгул, – с серьезным видом ответил Суй Чжоу.

— По болезни? – поднял брови Тан Фань.

— Нет, по уходу за больным членом семьи.

— …

“Совсем стыд потерял?”

Пока они так препирались, в ворота постучали:

— Это особняк старейшины Тана? Есть кто дома?

Тан Фань воспользовался шансом вырваться из объятий Суй Чжоу и подошел к воротам, чтобы отпереть их.

Снаружи стоял мужчина средних лет, по виду – слуга. Увидев Тан Фаня, он быстро сложил руки в почтительном поклоне:

— Господин, этот скромный пришел из дома старейшины Лю.

Тан Фань узнал его: перед ним был слуга Лю Цзяня.

— Твой хозяин искал меня?

— Да, мой хозяин стоит в конце переулка. Прошу, выйдите и поговорите с ним.

Тан Фань несколько удивился: Лю Цзянь же тоже остался сегодня дома из-за болезни – с чего вдруг ему бежать сюда в такой спешке?

Объяснив все Суй Чжоу, он отправился вслед за слугой и действительно увидел на углу закутанного в толстую шубу Лю Цзяня, притопывающего ногами и потирающего руки в попытке согреться. На больного он не смахивал.

— Почтенный Хуэйань? – поздоровался Тан Фань, подойдя ближе. – Раз уж ты здесь, почему не зашел внутрь? Проходи присядем!

— Нет, – Лю Цзянь притянул Тан Фаня поближе и прошептал: – Если не занят, сходишь со мной во дворец к наследному принцу?

Заметив, как тот таится, Тан Фань не удержался от вопроса:

— Что-то не так с наследным принцем?

— Ты знаешь о том, что наследный принц заболел после возвращения с богослужения?

Тан Фань кивнул.

Он знал об этом. Из-за дождя многие заболели, и наследный принц в том числе.

Обратный путь принц проделал в карете и не мок под дождем, как остальные, но лестница из белого нефрита, отделявшая карету от храма, была довольно длинной и преодолеть ее следовало пешком.

Ван Чжи снял свое верхнее платье, чтобы прикрыть голову наследного принца, но тот все равно промочил волосы и одежду, так что по возвращении во дворец подхватил простуду, как и многие другие.

Но, поскольку дождь был несильным, даже если бы он проделал весь путь обратно верхом, как Тан Фань, ему пришлось бы выпить максимум пару чашек лекарства. Многие прикрывали свои головы верхней одеждой, так что, если и заболели, то несерьезно.

И винить фракцию Ваней на этот раз было не в чем.

Как бы сильно те ни жаждали низложения наследного принца, предвидеть, что в этот день пойдет дождь они не могли. А даже если и могли, то предугадать, заболеет наследный принц из-за него или нет, у них бы точно не вышло. Предполагать, что они планировали таким образом избавиться от наследника, было смешно.

Наследный принц болел уже два дня. Тан Фань вчера справлялся о его здоровье: ничего

серьезного, императорские врачи просто велели тому отлежаться. А потому, стоило Тан Фаню услышать слова Лю Цзяня, как его сердце подпрыгнуло от дурного предчувствия:

— Наследный принц ведь не?..

— Нет, – успокоил его Лю Цзянь, заметив, что его неверно поняли. – Я просто узнал, что наследный принц заболел и хотел лично убедиться, что все в порядке, вот и взял отгул. Слышал, ты тоже дома, и зашел, чтобы встретиться.

Прежде чем войти в Кабинет Министров, Лю Цзянь несколько лет преподавал в Восточном дворце. Он был очень близок с принцем, так что беспокоился о его здоровье больше, чем остальные.

— Я бы очень хотел сопровождать почтенного Хуэйаня, но я сейчас болен, – ответил Тан Фань. – Некрасиво получится, если опозорюсь перед наследным принцем или заражу его.

— Хорошо, я пойду один, – немного подумав, согласился Лю Цзянь. – Обсудим все завтра в Кабинете Министров.

Будучи человеком решительным и энергичным, он поспешно попрощался с Тан Фанем и удалился.

Тан Фань из вежливости постоял еще немного, провожая его повозку. Порывы холодного ветра поднимали полы платья, делая его стройную высокую фигуру неописуемо прекрасной.

Жаль только…

Простуда господина Тана еще не прошла, а потому он не удержался и шмыгнул носом, втянув в себя готовые вот-вот вытечь сопли.

А затем обернулся.

Тан Фань: “…”

Суй Чжоу: “…”

“Меня видели! Моему элегантному образу конец!”

Господин Тан мысленно взвыл. Внезапно очень захотелось заплакать.

Суй Чжоу сдержал улыбку:

— Возвращайся, на улице холодно.

— Я не взял с собой носового платка, когда уходил, – откашлялся Тан Фань.

— Поэтому возвращайся со мной и выпей лекарство, иначе опозоришься завтра перед коллегами и подчиненными в Кабинете Министров.

Лучше бы он этого не говорил, потому что, стоило ему только сказать это, как Тан Фань тотчас представил, как он назавтра будет спорить из-за чего-нибудь с фракцией Ваней: резко и уверенно, а затем вдруг почувствует, как из носа текут сопли, не удержится и шмыгнет…

Все его величие вмиг исчезнет.

— …

Заметив, как тот позеленел, а затем побледнел, Суй Чжоу был несколько озадачен, но, еще раз прокрутив в голове свои слова, пришел к выводу, что не сказал ничего лишнего.

Прежде чем он успел собраться с мыслями, Тан Фань скорбно произнес:

— Завтра возьму еще один выходной!

Желанию этому, конечно же, не суждено было сбыться. Лю Цзи с Сюй Пу, проработав вдвоем в Кабинете целый день напролет, чуть не сошли с ума. Им пришлось сидеть там до поздней ночи и даже ужинать на рабочем месте. Если бы Тан Фань попросил еще об одном выходном, к нему послали бы умолять пересмотреть свое решение.

Так что Тан Фаню пришлось тащить свое больное тело в Кабинет с тремя новенькими носовыми платками в рукаве на случай крайней необходимости.

Остальные, включая первого министра Вань Аня, тоже явились на службу.

Встреч сегодня никаких не было, так что после утренней переклички все разошлись по своим кабинетам.

Оказавшись с Лю Цзянем в одной комнате, Тан Фань улучил момент, чтобы спросить того, как вчера все прошло:

— Почтенному Хуэйаню удалось встретиться с Его Высочеством наследным принцем?

Лю Цзянь нахмурился, не решаясь ответить.

— Наследный принц отказал тебе во встрече?

— Нет, но наследный принц, кажется, очень болен. Слышал, он все время лежит, прикованный к постели, а встал лишь, только когда узнал, что я прибыл.

— Все настолько серьезно? – Тань Фань аж вздрогнул.

— К счастью, я застал у него императорского доктора. Он сказал, что простуда может протекать как в легкой, так и в тяжелой форме. Наследный принц должен больше отдыхать и серьезно относиться к лечению.

— Так вот в чем дело, – кивнул Тан Фань.

— Но слышал, что Его Величество ни разу не навестил наследного принца с тех пор, как тот заболел! – наконец высказал причину своего недовольства Лю Цзянь.

Воспоминания о том, каким печальным было лицо принца, заставили сердце Лю Цзяня сжаться от жалости.

Тан Фань тоже вдохнул. Со стороны о таких вещах судить было сложно. К тому же им, как поданным, обсуждать подобное не полагалось.

Посторонним казалось, что наследного принца остается только пожалеть.

А вот император считал, что уже и так дал принцу самое лучшее в мире – будущее на троне. Что такого, что принцу обидно? Подумаешь! Отец повелевает – сын исполняет, монарх повелевает – поданные исполняют. Император был монархом и отцом, а принц – сыном и подданным. Так в чем же причина того, что отец холоден к сыну, а сын обижается на отца?

Рассуждать на эту тему можно было полжизни и все равно не найти ответ.

Даже благородная наложница Вань считала себя достойной жалости. Она была женщиной, которую больше всех ценил император, однако биологического сына, который мог бы наследовать трон, у нее не было – наследником стал сын какой-то ничтожной служанки.

Если, взойдя на престол, наследный принц сможет сохранить верность своим идеалам, не позабыв из-за клубка обид о долге управлять страной, усилия всех тех, кто протягивал ему руку помощи и даже жертвовал собой ради его защиты, будут не напрасны.

Лю Цзянь понимал все это, а потому лишь посетовал на несправедливость наедине с Тан Фанем, больше никогда нигде не поднимая эту тему. За день отсутствия у них накопилось столько дел из Управления Связей и Шести Министерств, что оба ушли с головой в работу и корпели до головокружения, закончив с большей частью бумаг лишь к вечеру.

— Даже если придется умереть при исполнении, я больше ни за что отгул не возьму! – отпустил шутку Лю Цзянь, покачав головой. – По возвращении из отпуска дел в разы больше – до посинения работаешь!

Тан Фань сдержал смешок и, с грустью обнаружив, что вот-вот потекут сопли, быстренько прижал к носу платок, глухо пробормотав:

— Почтенный Хуэйань, не смеши меня…

Лю Цзянь, очевидно, заметивший его неловкое состояние, расхохотался без намека на сочувствие.

Наконец покончив со всеми делами, Тан Фань покинул дворец и поспешил домой.

Он принял решение отказаться от всех приглашений на встречи и обеды, пока не поправится, дабы не предстать ни перед кем в неловком виде и не опозориться.

Но, к сожалению, человек предполагает, а Небеса располагают – на полпути к дому его кое-кто остановил.

***

Послесловие автора:

Кто еще осмелится сказать, что между командиром Суем и господином Таном нет тепла и отношения прохладные? Да они просто ослепляют →_→

Примечание:

1. В прошлой главе во время беседы с императором благородная наложница Вань говорила про себя “я”, а к нему обращалась на “ты”. Это было сделано специально ~

Обычные наложницы называли себя “этой наложницей” (а не “рабой”), но учитывая, каким человеком была благородная наложницы Вань и в каких отношениях она состояла с императором, скорее всего, она не стала бы соблюдать формальности наедине с ним и общалась бы непринужденно.

2. Дворец Почитаемой Истины и Долголетия действительно существовал, но был сожжен во времена династии Юань. Он и храм Белого Облака считались величайшими даосскими храмами столицы империи Юань, так что сюжетная линия, связанная с Дворцом Почитаемой Истины и Долголетия - чистый вымысел, не пытайтесь найти этому подтверждение в исторических источниках (*^__^*)

Не смогла удержаться от мини-театра:

Господин Тан притащил свое сопливое тело на работу с тремя новенькими носовыми платками в рукаве на всякий случай.

Стоит отметить, что на каждом из этих трех платков был вышит иероглиф “Суй”.

Но эти платки не принадлежали графу Суй. Просто он сам их вышил.

Не сомневайтесь, граф Суй, хоть и взрослый мужчина, владеет не только боевыми искусствами и кулинарным талантом, но и иглой орудует мастерски.

Воистину идеальный супруг времен династии Мин!

***

Примечания переводчика:

* - по поводу “наказания”, которое ждет ТФ. Там используется слово □□. Обычно оно имеет толкования: метаться, повторять одно действие снова и снова, создавать проблемы на пустом месте, а также пытать/причинять страдания. Ну я, наивная душа, сначала решила, что тут имеется в виду, что ТФ плохо будет ночью, если он больной пойдет работать, а потом вспомнила, что видела это слово в экстрах в одном очень неприятном контексте, и пошла гуглить. Конечно же, это слово имеет еще одно толкование: оно означает секс, причем грубый, в уничижительном контексте (для патриархального общества): трахать, е*ать, насиловать (дословно).

Скорее всего автор тут поиграла со словами. Мол, понимайте, как хотите, какие такие “пытки” ждут ТФ ночью.

И судя по насильным поцелуям, “чтоб не вырвался”, получаемому СЧ садистскому удовольствию от созерцания униженного и разгневанного ТФ, который чуть не задохнулся, а

также насильным объятиям, из которых, несмотря на сопротивление ТФ, он не дает ему выбраться, ко всему прочему рискуя, что на открытом дворе их в такой позе могут застукать служанки (и мало ли кому разболтать), а значит, и положением ТФ как чиновника (но мы уже поняли, что ему похрен, кажется), а также тому, как ТФ под любым предлогом пытается от него сбежать, ответ очевиден…

мммм изнасилования и наказание больного ТФ за то, что тот поступил не так, как СЧ хотел…. обожаю! Настоящая романтика и теплые, комфортные отношения)))

Ваш муж вас насилует? контролирует? принуждает к объятиям? выводит на эмоции? душит? устраивает эмоциональные качели? По мнению МСШ, это идеальный муж! Ведь он умеет драться, готовить и, самое главное, вышивать! Свою фамилию на твоем носовом платке - ведь это истинное проявление любви… В чем ваще прикол вышивать свою фамилию, а не фамилию человека, которому подарок предназначен? опять очередной способ пометить человека? это романтично? я чего-то не понимаю?

Самое главное, чего я не понимаю, так это того, что этот ужас реально кому-то нравится. Кто-то реально считает их идеальной парой? Умиляется их отношениям? Мечтает о таком партнере, как СЧ?

Мне страшно жить, правда. В процессе перевода и после я долго безостановочно материлась. Это ужасно… Зачем я решила перевести это безобразие до нг? Только настроение себе испортила.

Не могу больше это выносить. Кажется, подобная романтика сказывается на моей менталке. И не только на менталке, потому что болезни живота, как единогласно заявляют врачи, у меня тоже от нервов. До конца праздников я за это не возьмусь. А там посмотрим.

Всех с новым годом, пойду пить новопассит и кушать каши в новогоднюю ночь…

http://tl.rulate.ru/book/50212/3502552